

А. С. Гольденвейзеръ.

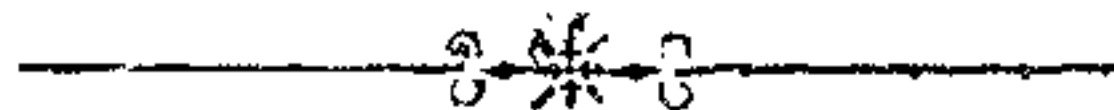
СОЦІАЛЬНЫЯ ТЕЧЕНІЯ И РЕФОРМЫ

ХІХ СТОЛѢТІЯ

ВЪ АНГЛІИ.

Докладъ, читанный въ засѣданіи Кіевскаго Юридическаго Общества 21 сентября 1891 г.

КІЕВЪ.

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисаветинск. соб. д.
1891.

Печатать разрѣшается. 21 сентября 1891 г. Предсѣдатель Кіевскаго
Юридическаго Общества, состоящаго при Университетѣ св. Влади-
міра, В. Демченко.

Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи.

„Zum socialen Frieden“. Eine Darstellung der socialpolitischen Erziehung des englischen Volkes im neunzehnten Jahrhundert. Von Dr. Gerhart von Schulze-Gaevernitz. In zwei Bänden. Leipzig, 1890.
B. I, XIII + 467. B. II — 510

Въ августѣ 1889 г., въ моментъ самаго сосредоточеннаго вниманія, которое возбуждала къ себѣ всемірная выставка въ Парижѣ, всѣ газеты Европы вынуждены были уступить мѣсто на своихъ столбцахъ сообщеніямъ о событіи, казалось бы, несравненно менѣе любопытномъ. Эти послѣднія сообщенія стали при томъ возрастать съ необычайной быстротою и вскорѣ вытѣснили почти все остальное содержаніе газетъ. Касались же они подробностей и перипетій новой стачки рабочихъ, происшедшей по ту сторону ламаншскаго пролива, — въ докахъ лондонской гавани. Какъ извѣстно, однако, стачки рабочихъ въ промышленныхъ округахъ Европы составляютъ теперь такое обыкновенное, можно сказать, будничное явленіе, что газеты съ большимъ трудомъ только въ состояніи изъ подобныхъ событій извлекать еще пикантную приправу для своихъ новостей. Поэтому лондонская стачка должна была представляться чѣмъ-то совершенно особеннымъ среди подобныхъ ей явленій, чтобы

она могла перетянуть на свою сторону вниманіе читающей публики, жадно устремившей его по совершенно другому направленію. И дѣйствительно, эта стачка по многимъ основаніямъ заслуживала во всѣхъ своихъ фазисахъ тщательнаго наблюденія.

Стачка эта прежде всего отличалась отъ другихъ подобныхъ явленій огромнымъ количествомъ участниковъ: на пятый день послѣ возникновенія цыфра забастовавшихъ рабочихъ доходила уже до 150,000 человѣкъ. Затѣмъ, другая особенная черта ея заключалась въ томъ, что къ ней примкнули рабочіе другихъ отраслей труда только изъ одного сочувствія, не требуя для себя ничего, и переносили безкорыстно всю бездну лишеній и нужды до самаго конца, т. е. пока желанія доковыхъ рабочихъ не были удовлетворены. Такъ активно выразившееся сочувствіе со стороны другихъ представителей наемнаго труда, придавшее всему движенію значеніе борьбы за принципъ (на знаменахъ, съ которыми по улицамъ Лондона торжественно маршировали забастовщики, надписи прямо гласила: «out on principle» — за принципъ!), должно было, какъ казалось, усилить страхъ и недовѣріе остальныхъ классовъ населенія. Что же мы видимъ на дѣлѣ? Всѣ англійскія газеты открыли у себя подписку на поддержку забастовавшихъ; духовенство, аристократія, фабричные тузы и даже акціонеры доковыхъ предпріятій наперерывъ спѣшили гласно и негласно своими средствами облегчить бѣдствія, переносившіяся этою массою рабочихъ, переставшихъ получать свой обычный заработокъ на хлѣбъ насущный для себя и своихъ семей. Это и составляетъ третью и самую выдающуюся черту данной стачки, какъ общественнаго явленія. Вычислено, что сверхъ даровыхъ обѣдовъ, которыми ежедневно кормилось не менѣе 10,000 человѣкъ, и другихъ видовъ натурального вспомо-

ществованія, этимъ рабочимъ нуждающимся, такъ сказать, по собственному произволу, наличными деньгами роздано за пять недѣль около 200,000 ф. с. (приблизительно 2 милліона руб.).

Претензіи и требованія доковыхъ рабочихъ заключались въ слѣдующемъ. По установившемся въ докахъ приему, всякая работа сдавалась обыкновенно купцами особымъ предпринимателямъ, которые отъ себя уже нанимали рабочихъ, но у которыхъ однако за это посредничество оставалась добрая половина платы, поступавшей отъ купцовъ. Такъ какъ притомъ работа здѣсь составляла простое примѣненіе физическихъ силъ человека для нагрузки и выгрузки товаровъ, то отъ посредниковъ не требовалось рѣшительно никакихъ организаціонныхъ или иныхъ собственныхъ способностей, тѣмъ болѣе, что въ рабочихъ рукахъ, искавшихъ тутъ же на мѣстѣ примѣненія своихъ силъ, не только никогда не было недостатка, а, напротивъ, ихъ постоянно былъ на лицо контингентъ значительно превышавшій спросъ, и, слѣдовательно, посредники получали свой жирный пай въ этой платѣ совершенно задаромъ, только въ силу укоренившагося и пережившаго свое назначеніе обычая *). Устраненіе этихъ посредниковъ требовалось рабочими. Затѣмъ требовалось повышеніе минимальной платы съ 5 на 6 пенсовъ за часъ работы. И, наконецъ, требовалось, чтобы занятія каждаго нанятаго рабочаго продолжались не менѣе четырехъ часовъ въ день, т. е. чтобы почтенная плата выходила не менѣе 2 шиллинговъ (приблизительно 90 коп.). Последнее требованіе объясняется тѣмъ,

*) Было вычислено, что изъ 125 ф. с., за которые производилась выгрузка корабля въ 6000 тоннъ пшеницы, предприниматель-посредникъ уплачивалъ потребнымъ на то 81 рабочимъ 57 ф. п., значить, получалъ въ свою пользу 68 ф. с.

что по характеру производящейся въ докахъ работы, посредники умудрялись каждую данную работу оканчивать въ часъ—въ два, а слѣдующую работу начинать съ партіей свѣжихъ рабочихъ, такъ что посредники пользовались плодами самаго энергическаго напряженія рабочихъ силъ, а представители этихъ силъ получали на свою долю ничтожную плату, превращавшуюся въ нищенскую, такъ какъ она фактически составляла ихъ заработокъ за весь день. Главнымъ пунктомъ требованій однако оставалось повышение основной ставки съ 5 на 6 пенсовъ за часъ, такъ называемый «Tanner», о которомъ забастовавшіе даже пѣли особо сочиненныя по этому поводу пѣсни.

Въ концѣ концовъ рабочіе добились своего. Кромѣ ихъ руководителей, заступничество ихъ интересовъ приняли на себя лордъ-мэръ города, лондонскій архіепископъ и кардиналъ Маннингъ. Гораздо бѣльшаго еще вниманія, чѣмъ то, какія лица приняли на себя активное представительство за угнетенный классъ населенія, заслуживаетъ поведеніе самого этого класса за все время стачки. Процессіями въ 20 и 30 тысячъ человѣкъ эти поденщики, которыхъ принято считать самыми необузданными и примитивными созданіями, торжественно шествовали по колоссальному городу, сосредоточивающему въ себѣ богатства цѣлаго міра, и не только лондонскій банкъ, мимо котораго неоднократно дежалъ путь этихъ процессій, не чувствовалъ ни малѣйшаго страха за свою безопасность, но ни одинъ изъ мясныхъ торговцевъ, которые, должно замѣтить, все время держали открытыми свои лавки и лари съ товаромъ столь соблазнительнымъ для голодающей толпы, не могъ пожаловаться на то, чтобы кѣмъ нибудь было учинено надъ нимъ насиліе. Слѣдственною властью положительно констатировано, что за всѣ пять недѣль этой стачки, когда казалось

участь всего города зависѣла отъ толпы въ 150,000 расходившихся пролетаріевъ, въ уголовной хроникѣ Лондона не произошло ни одного преступленія, подвѣдомственнаго суду присяжныхъ, которое можно было бы отнести на счетъ забастовавшихъ.

Эта общая картина описанныхъ происшествій непременно вызываетъ въ наблюдателѣ настойчивые вопросы: чѣмъ можно объяснить себѣ лойяльность поведенія такой толпы? Въ чемъ лежитъ причина такой необычайной сдержанности у простой черни? Неужели англійскій поденщикъ свободенъ отъ тѣхъ человѣческихъ слабостей, которыя присущи даже болѣе развитымъ изъ его сверстниковъ на континентѣ Европы?—Вопросы эти при правильномъ построеніи должны привести къ одному заключительному вопросу: если англійскій рабочій теперь таковъ, то всегда-ли онъ такимъ былъ? На этотъ послѣдній вопросъ даетъ намъ весьма назидательный отвѣтъ исторія рабочаго движенія самаго недавняго прошлаго въ той же Англіи, за періодъ, на какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ предшествующій настоящему моменту.

Уже въ 1812 и 1816 г.г. рабочее движеніе съ истинно революціоннымъ направленіемъ въ самыхъ рѣзкихъ формахъ проявилось въ средѣ фабричныхъ, а за тѣмъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Будучи связано съ происшедшимъ тогда повышеніемъ цѣны на хлѣбъ, оно выражалось воцмями бушующей толпы, которая со знаменами, носившими внушительную надпись «крови и хлѣба», переходила изъ села въ село, изъ города въ городъ, производя такіе опустошенія и разгромы на своемъ пути, что лишь вмѣшательствомъ военной силы можно было положить конецъ грубому насилію бунтовщиковъ. Характеръ этого движенія можетъ быть иллюстрированъ указаніемъ на парламентскій

актъ 1812 г., коимъ, въ виду участившихся случаевъ нападенія на фабрики, разрушеніе машинъ поставлено было подъ угрозу смертной казнью. Кстати, не лишена будетъ интереса историческая справка, что сто лѣтъ назадъ (въ 1727 г.) такой же законъ былъ изданъ въ охрану неприкосновенности прядильныхъ станковъ. Массовое возстаніе повторилось въ столь же сильной степени въ 1825 и 1826 гг. Но политическую организацію въ формѣ особой партіи англійскіе рабочіе получили лишь въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Во главѣ ея стала образовавшаяся въ Лондонѣ въ 1838 г. рабочая ассоціація (Working men's association). Цѣлью ея было выставлено достиженіе всеобщей подачи голосовъ. Подобно тому, какъ въ позднѣйшихъ рабочихъ движеніяхъ на континентѣ Европы, придерживавшихся конституціоннаго образа дѣйствій, и здѣсь программа заключалась въ стремленіи передать путемъ реформы въ системѣ выборовъ руководящей власти въ руки рабочихъ для осуществленія затѣмъ законодательнымъ путемъ всѣхъ мѣръ, потребныхъ для исправленія соціальныхъ неравенствъ. Имѣя такимъ образомъ общность происхожденія съ политическимъ движеніемъ разныхъ классовъ Англіи того времени, извѣстнымъ подъ названіемъ *чартизма*, стремленія собственно рабочей партіи были гораздо радикальнѣе и направлялись къ политической реформѣ, не какъ къ главной цѣли, а только какъ къ средству для достиженія чрезъ нее болѣе дальнихъ цѣлей. Ея руководители говорили: «для насъ чартизмъ означаетъ: хорошее жилище, хорошую пищу, высокую рабочую плату и короткій рабочій день». — Сначала способы для осуществленія этой программы были избраны мирные: массовыя петиціи въ парламентъ, предложеніе о созывѣ «національнаго конвента». Затѣмъ проектировалась грандіозная стачка подъ названіемъ «святого мѣсяца», ко-

торая должна была распространиться на рабочій людъ всей страны. Средства эти дѣла не подвигали впередъ и парламентъ отвергъ петицію о новой хартіи, хотя она и была покрыта 1.280,000 подписей. Но и агитація за хартію сопровождалась нерѣдко проявленіями самаго необузданнаго безчинства. Особенно памятенъ случай, происходившій въ 1839 году, когда бунтари завладѣли городомъ Бирмингэмомъ, чиня разгромъ жилищъ зажиточнаго класса и разрушеніе фабричныхъ зданій; городъ пришлось отвоевать у нихъ приступомъ военныхъ силъ подъ командою герцога Веллингтона, который впослѣдствіи заявилъ въ палатѣ лордовъ, что хотя ему случалось не мало разъ быть очевидцемъ зрѣлища, какое представляютъ собою взятые приступомъ города, но что разоренія и опустошенія подобнаго тому, какое было произведено бунтовщиками въ Бирмингэмѣ, онъ никогда еще не видалъ.—Когда же борьба перешла открыто на почву насильственныхъ мѣръ, руководители рабочей партіи предлагали одновременными поджогами по всей странѣ произвести смятеніе, которымъ и воспользоваться для захвата власти въ свои руки. Подстрекательство это завершилось тѣмъ, что правительство нашло себя вынужденнымъ упрятать въ тюрьму всѣхъ главныхъ вожаковъ движенія. Для характеристики этого движенія можетъ, между прочимъ, служить вычисленіе, сдѣланное лордомъ Граемъ, доказавшее, что число преступленій, подвѣдомственныхъ суду присяжныхъ и вызванныхъ исключительно благодаря агитаціи въ пользу выборной реформы, достигало цыфры въ 9000.

Что касается отношенія высшихъ классовъ и въ особенности сословія промышленниковъ и фабрикантовъ къ нуждамъ и требованіямъ народныхъ массъ, то оно вполне вѣрно характеризуется замѣчаніемъ, сдѣланнымъ Дизраэли,

что населеніе Англіи въ то время распалось на двѣ отдѣльныя націи, которыя были такъ чужды другъ другу, какъ если бы онѣ родились подъ разными меридіанами. Отсутствіе взаимнаго пониманія и желанія сдѣлать какія бы то ни было уступки народнымъ требованіямъ со стороны парламентскихъ представителей выразилось съ особымъ упорствомъ въ 1842 г., когда ими была отвергнута новая петиція о хартіи, покрытая 3.300,000 подписей *). Въ отвѣтъ на это послѣдовала новая вспышка рабочихъ массъ, извѣстная подъ названіемъ «пробочной революціи» (отъ слова *plugs*—пробки, такъ какъ она проявлялась не въ разрушеніи фабричныхъ снарядовъ, за что грозила смертная казнь, а только въ выдергиваніи пробокъ, регулировавшихъ паровыя машины того времени). Въ 1848 году, однако, парламентъ снова отвергнулъ еще одну такую же петицію. Къ обычному же возбужденію рабочихъ по этому поводу тогда прибавилось особое воодушевленіе, вслѣдствіе происшедшей одновременно февральской революціи во Франціи. Дѣло дошло до того, что Лондонъ пришлось привести въ осадное положеніе; на главныхъ пунктахъ города воздвигнуты были батареи, сообщеніе по мостамъ, ведущимъ черезъ Темзу, было прервано; кромѣ сосредоточенныхъ въ городѣ войскъ, для поддержанія порядка нанято было лишнихъ 150,000 констеблей и приговорительныя дѣйствія вручены командѣ герцога Веллингтона. Книга Энгельса о положеніи рабочихъ въ Англіи, вышедшая въ 1848 году, высказываетъ увѣренность, что открытая война бѣдныхъ съ богатыми предстоить тамъ въ ближайшемъ будущемъ. Моментомъ этимъ авторъ назначаетъ 1852 или самое позднее—1853 г.

*) Петиція эта была такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что ее пришлось разрѣзать на части, такъ какъ она иначе не могла пройти чрезъ ворота парламентскаго зданія.

и заканчиваетъ свое изслѣдованіе въ такихъ выраженіяхъ: «Слишкомъ поздно уже рассчитывать на мирное разрѣшеніе этой борьбы. Классы населенія все болѣе и болѣе обособляются, духъ сопротивленія усиливается съ каждымъ днемъ среди рабочихъ, взаимное озлобленіе возрастаетъ, партизанскія вспышки становятся все чаще и чаще, увеличивая свои размѣры и свои требованія, и самого ничтожнаго повода теперь будетъ достаточно, чтобы привести въ поступательное движеніе эту грозную лавину. Тогда раздастся по всей странѣ воинственный кличъ: «война палатамъ, миръ хижинамъ!»—и имущимъ классамъ поздно будетъ искать способовъ и путей для своей безопасности».

Приведенныя слова Энгельса любопытно сопоставить съ тѣмъ, что сказалъ теперь профессору Брентано руководитель радикальной партіи и одинъ изъ главныхъ вожаковъ стачки доковыхъ рабочихъ—Чампіонъ. Въ разговорѣ по поводу движенія 1889 г. онъ заявилъ слѣдующее: «Я сдѣлаю все для рабочихъ, чтобы доставить имъ подобающее положеніе, но подъ однимъ главнымъ условіемъ, которое я не перестаяю имъ твердить: они не должны идти противъ нашей системы правленія. Система эта даетъ имъ возможность достигнуть всего, въ необходимости чего они въ состояніи убѣдить большинство. Если же представители меньшинства вздумали бы терроризировать это большинство, то, говоря словами германскаго императора, «я ихъ уничтожимъ бы.»

Контрастъ прежнихъ и теперешнихъ стремленій рабочей партіи, а также употребляемыхъ ею средствъ борьбы достаточно разительнъ даже по немногимъ указаніямъ, сдѣланнымъ выше. Естественно, что причины, вызвавшія такое перерожденіе и обстановка его обусловившая, возбуждаютъ къ себѣ напряженнѣйшій интересъ людей науки. Дать тому

и другому научное и историческое объяснение составляет задачу двухтомнаго изслѣдованія Шульце-Геверница, названіе коего выписано нами въ заголовкѣ. Такъ какъ предметъ, о которомъ трактуетъ его изслѣдованіе, тѣсно соприкасается съ исторіею измѣненій въ идеалахъ и міровоззрѣніи цѣлыхъ классовъ населенія, то, конечно, трудъ автора не могъ бы получить надлежащей ясности, если бы онъ прежде всего не занялся изложеніемъ философскихъ, политическихъ и экономическихъ ученій не только ближайшихъ, но и болѣе отдаленныхъ отъ нашихъ дней мыслителей страны, которыхъ должно признать родоначальниками и выразителями новаго духа времени. Этому дѣйствительно посвящена значительная часть его изслѣдованія и въ ней особенно цѣнно приведеніе въ стройную систему міровоззрѣнія главнаго изъ этихъ мыслителей—Томаса Карляйля, который, не взирая на значительное количество своихъ сочиненій, ни въ одномъ изъ нихъ этого самъ не сдѣлалъ. Остальная часть сочиненія Геверница содержитъ въ себѣ изложеніе практическихъ мѣропріятій и реформъ въ строѣ англійской индустріи и въ смежныхъ съ нею соціальныхъ областяхъ за послѣднія десятилѣтія.

Шульце-Геверницъ ученикъ и послѣдователь извѣстнаго (нынѣ лейпцигскаго) профессора экономическихъ наукъ Луйо Brentano. Изслѣдованіе его есть какъ бы продолженіе тѣхъ взглядовъ и убѣжденій, которые высказаны въ многочисленныхъ сочиненіяхъ Brentano, посвященныхъ исторіи рабочаго вопроса въ Англіи. Самое капитальное изъ этихъ сочиненій излагаетъ исторію рабочихъ союзовъ, такъ называемыхъ, Trade—unions и называется: «Die Arbeitergilden der Gegenwart». Сущность же воззрѣній Brentano заключается въ томъ, что противодѣйствіе неизбежнымъ и пагубнымъ условіямъ конкуренціи на началахъ индивидуальной

свободы рабочій находятъ лишь въ союзной организаціи, при которой только онъ въ состояніи явиться фактически равноправной стороной при предложеніи своего труда классу промышленниковъ, выражающихъ спросъ, существующій на этотъ трудъ, какъ на своего рода товаръ; что, наоборотъ, при соглашеніяхъ одинъ-на-одинъ рабочаго съ нанимателемъ подавляющая сила и экономическое могущество послѣдняго совершенно парализуютъ значеніе правъ рабочаго, провозглашенныхъ разными хартіями свободы; но что союзная организація, служащая къ возстановленію равновѣсія этихъ двухъ факторовъ производства и существовавшая для той же цѣли еще въ среднія вѣка въ видѣ гильдейскаго и цеховаго строя, въ настоящее время, на почвѣ политической свободы и всеобщаго равенства, только тогда можетъ достигнуть успѣха, когда она является продуктомъ непринужденнаго творчества со стороны политически развитаго рабочаго класса, какъ тому учитъ исторія соотвѣствующихъ учрежденій въ Англіи. Шульце-Геверницъ, исходя изъ тѣхъ же принциповъ, изслѣдованіе свое составилъ и издалъ въ такое время, когда въ Германіи вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область соціальныхъ задачъ и вообще о средствахъ къ урегулированію соціальныхъ неравенствъ составляетъ острый вопросъ текущей эпохи. Поэтому трудъ его имѣетъ значеніе какъ средо известной научной школы и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ программа цѣлой политической партіи. Въ послѣднемъ смыслѣ сочиненіе это характеризуется уже самимъ своимъ названіемъ—*Zum sozialen Frieden*. Оно посвящено выясненію на примѣрѣ Англіи тѣхъ мирныхъ путей, которыми можетъ быть достигнуто уврачеваніе соціальныхъ недуговъ. Направленіе народа по этимъ путямъ признается авторомъ за миссію, лежащую повсемѣстно, какъ историческій долгъ и об-

щественное призваніе, на его просвѣщенныхъ классахъ. Въ этомъ смыслѣ сочиненіе Геверница было привѣтствовано въ спеціальной лекціи профессора Brentano, изданной особо брошюрою подъ заглавіемъ «Die Stellung der Gebildeten zur socialen Frage». Вслѣдствіе такой причины сочиненіе это не представляется во всемъ своемъ объемѣ твореніемъ, народившимся исключительно по научному влеченію ума безпристрастнаго и совершенно свободнаго отъ предвзятыхъ идей. Поэтому же заявленіе автора, сдѣланное въ предисловіи, что все имъ излагаемое онъ только излагаетъ, воздерживаясь отъ всякой критики, можетъ быть принято не иначе, какъ *cum grano salis*. При всемъ томъ, по существу нельзя не признать, однако, что изслѣдованіе его представляется настолько глубокимъ, разностороннимъ и содержательнымъ, что при помощи его можно изобразить довольно полную картину современнаго состоянія вопроса о промышленныхъ рабочихъ въ Англіи и возстановить главные и дѣйствительно поучительные фазисы, чрезъ которые онъ проходилъ въ новѣйшей своей исторіи. Сверхъ того, надо сказать, что данное сочиненіе не только служить доказательствомъ давно уже сдѣланнаго наблюденія, что для иностранца многое виднѣе въ чужой странѣ, но что оно является также убѣдительнымъ подтвержденіемъ для той репутаціи, которую имѣютъ нѣмцы, какъ особы мастера въ изложеніи генетическаго развитія философскихъ идей. Значительное достоинство этого изслѣдованія заключается еще въ томъ, что въ практической своей части оно основано на личныхъ наблюденіяхъ автора, произведенныхъ имъ на мѣстѣ, и на свѣдѣніяхъ, полученныхъ имъ изъ первыхъ рукъ отъ самыхъ выдающихся дѣятелей даннаго поприща, которые въ соотвѣствующихъ главахъ даже просматривали и самую рукопись автора.

I.

Современная торговая и промышленная Англія, какъ извѣстно, всего два столѣтія тому назадъ была во всѣхъ отношеніяхъ страной вполне земледѣльческаго характера. Тому служатъ нагляднымъ подтвержденіемъ слѣдующія цифры: въ 1688 г., по даннымъ того времени, на сельское хозяйство приходится 1.935.520 рабочихъ, на торговлю всего 244.000 человѣкъ и почти столько же на промышленность—240.000 человѣкъ; а въ общей доходности страны сельскохозяйственная культура фигурируетъ 23,1 мил. фунт. стер., торговля 4,2 мил., а промышленность всего 2,4 мил. Но съ распространеніемъ владычества Англіи на страны во вновь открытыхъ частяхъ свѣта, съ развитіемъ ея торговыхъ сношеній и связаннаго съ этимъ увеличенія рынковъ для сбыта, промышленность ея получаетъ сильнѣйшій стимулъ къ совершенствованію. Благодаря этому, и самый характеръ производства претерпѣваетъ полное перерожденіе. Средневѣковый ремесленный строй, приспособленный къ потребностямъ почти одного только внутренняго рынка, не можетъ болѣе выдержать натиска новыхъ вѣяній. Условія же существованія рабочаго класса должны были при этомъ кореннымъ образомъ видоизмѣниться. Достаточно вспомнить про состояніе путей сообщенія прежняго времени, чтобы понять, что производство каждой мѣстности было защищено отъ конкуренціи однимъ неудобствомъ перемѣщенія продуктовъ чужаго производства гораздо болѣе, чѣмъ могутъ это сдѣлать теперь всевозможные запретительные тарифы. Эта особенность въ обстановкѣ производства соответствовала и скромности потребностей населенія того времени. За исключеніемъ предметовъ первѣйшей необходимости, на все остальное нарождался спросъ въ зависимости почти исключи-